

СОЦИАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ НАРКОТИЗМА В ПЕТЕРБУРГЕ

Леонид Кесельман,
Мария Мацкевич

Центр изучения и прогнозирования социальных процессов
Тел.: 316-34-36

* Работа выполнена при поддержке Медицинского центра "Бехтерев"

Настоящая работа во многом перекликается с вышедшей два года назад книгой "Социальные координаты наркотизма" и ее электронной версией размещенной в сети Internet [1], написанной на основе результатов анализа данных, полученных в опросах жителей Самары и Самарской области. Основная задача, которую мы пытались решить тогда, заключалась в получении относительно надежных представлений о самых общих социальных координатах российского наркотизма. Весной 2000 года, после того, как Санкт-Петербургу было проведено исследование, аналогичное самарскому, возникла возможность не только определить питерскую специфику исследуемого явления, но и проверить полученные ранее выводы.

Прошедшее время, как нам представляется, заметно расширило представления о специфике и тенденциях развития наркотизма в России. Вместе с тем, эта область по-прежнему продолжает оставаться одной из наиболее мифологизированных сторон не только обыденного, но и профессионального сознания [2]. Что, как уже отмечалось, является убедительным свидетельством сложной системы взаимовлияний индивидуального и социального сознания (не только их ценностно-нормативных полей, но и тех, которые обеспечивают восприятие "объективной" картины мира). По-прежнему существенно влияет на формирование представлений о социальных проблемах наркотизма и тот факт, что большинство работ, связанных с наркотизмом, и соответствующие публикации по этой теме выходят под грифом правоохранительных и медицинских учреждений. При этом акцентирование ведомственных приоритетов в анализе объемного социального явления, имеющего многотысячелетнюю историю и сложную систему не только физиологических и психологических, но и социально-культурных и социально-экономических детерминант, редуцирует исследование до поиска наиболее впечатляющих форм "лобовой" антинаркотической пропаганды и аргументов для обоснования простейших форм запрета. Понятно, что такая "ведом-

ственная специфика" далека от мысли о собственно социальной детерминации наблюдаемого. Анализ же наркотизма, как социального феномена, в нашей отечественной практике по-прежнему является достаточно редким явлением [3].

Несколько слов о методике

Сбор информации обеспечивался с помощью уличных интервью. Эта техника, как свидетельствует наш опыт, не только позволяет надежно репрезентировать население, постоянно проживающее в некотором относительно строго очерченном пространстве - конкретном городе или отдельном его районе, - но и обеспечивает респонденту значительно большую (по сравнению с опросом по месту жительства, работы или телефонным опросом) анонимность, что особенно важно для повышения степени доверия опрашиваемых к исследователям, а значит и для достоверности получаемой информации. Специально разработанная серия уточняющих вопросов позволяет получить однонаправленный континуум номинальной шестипунктовой шкалы, аналогичной упорядоченной шкале Л.Гуттмана, предназначенной для ранжирования свойств социальных объектов в одном параметре.

Поскольку, по сценарию интервью, каждый следующий "уточняющий вопрос" задается лишь тому респонденту, который своим предыдущим ответом сам "спровоцировал" соответствующее уточнение, то, согласно методическому замыслу, возникает ситуация, способствующая освобождению респондента от психологического состояния допрашиваемого (усиливающаяся к тому же анонимностью "случайного" уличного контакта). Этому освобождению способствует и то, что "уточнению" каждый раз подлежит не последующая (повышающаяся) степень вовлеченности в потребление наркотических веществ, а предыдущая, о которой респондент уже сам только что сообщил интервьюеру. Такой методический прием позволяет достаточно надежно разделить все наблюдаемую (опрашиваемую) совокупность на шесть групп, упорядоченных по

степени вовлеченности в потребление наркотических веществ - от никогда не пробовавших использовать наркотические вещества в немедицинских целях, до относительно регулярно пользующихся какими-либо тяжелыми наркотиками в настоящее время.

С помощью описанной выше шкалы в проведенном весной 2000 года опросе почти двух с половиной тысяч (2427) жителей Петербурга выявлялась степень приобщенности к потреблению наркотических средств различных социальных групп городского населения. Кроме информации, характеризующей отношение опрашиваемых к наркотикам на поведенческом уровне, значимой частью собранных данных были характеристики ценностно-нормативного отношения к использованию наркотических веществ в немедицинских целях, а также характеристики социального состояния и самочувствия опрашиваемых.

Не последнюю роль в реализации исследовательской программы играли и общие социально-статусные характеристики людей, попавших в выборочную совокупность: пол, возраст, образование, профессиональная принадлежность, сфера занятости, и т.д. Фиксация этих характеристик позволила не только контролировать параметры выборки, но - главное - получить представление об общности и специфике интересующего нас отношения к наркотикам в различных социальных группах.

В целом параметры выборки опрошенных в Санкт-Петербурге либо полностью совпадают с известными нам характеристиками генеральной совокупности, либо отклоняются от них, не выходя за допустимые пределы. Это позволяет считать, что в ходе описанного опроса получены надежные данные не только об общем отношении *жителей Петербурга* к рассматриваемому вопросу, но и о специфике этого отношения в отдельных социальных группах.

Общие координаты

Как свидетельствуют данные, полученные в ходе уличных интервью, 81,5% жителей Петербурга "никогда не пробовали" наркотических веществ в немедицинских целях. Остальные - 18,5% - обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков. Уточним, что, исходя из репрезентативности нашей выборки по отношению ко всему населению Петербурга, это означает, что весной 2000 года около 850 тысяч (из 4,5 миллионов) жителей города были так или иначе причастны к опыту немедицинского употребления наркотических веществ, подпадающих, в соответствии с нынешним законода-

тельством, под статью об уголовно наказуемых деяниях. Что означает эта цифра и как она согласуется с аналогичными данными, полученными в других наблюдениях?

По данным, полученным в Самаре за два года до нашего опроса, "никогда не пробовали" наркотических веществ в немедицинских целях 87% жителей этого города, а остальные - 13% - обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков. Иначе говоря, степень приобщенности к наркотикам жителей Петербурга оказывается примерно в полтора раза выше, нежели в Самаре. Возможен ли такой разрыв внутри одной страны? По данным исследования проблем наркотизма, проведенного под руководством Г.Г.Силласте [4], положительно ответили на вопрос: "Потребляли ли Вы хотя бы раз в жизни наркотики?" - 11,5% из числа опрошенных в 1992 году 1290 жителей 12 российских городов.

Цифра, как видим, скорее близка к самарской. Но если к числу возможных дегустаторов наркотиков причислить 3,5% тех, кто "не хотел бы отвечать" на этот "нескромный вопрос" московских исследователей [5, с. 140], то полученные таким образом 15% окажутся практически посередине между самарскими 13% и питерскими 18,5%. С учетом региональной дифференциации показателя степени знакомства с наркотическими веществами (в Москве сумма признавшихся в употреблении наркотиков и "уклонившихся" от такого признания составила 27,5%, тогда как в Рязани только 11%), отмечаемой не только в этом исследовании, можно предположить, что полученный нами показатель общего уровня знакомства с наркотиками населения Петербурга и Самары отражает исследуемую реальность все же адекватней, нежели статистика наркологических диспансеров [6].

По данным исследования Я.Гилинского и В.Афанасьева, проведенного ими в 1993 году в Санкт-Петербурге, "хотя бы один раз за 10 лет употребляли какой-либо наркотик" около 10% опрошенных горожан [7, с.53; 8, с. 128-129]. Последняя цифра, как видим, почти вдвое ниже нашей. Но это данные почти десятилетней давности, что позволяет предположить, что наши данные не так далеки от реальности.

Показатель приобщенности к наркотикам жителей наиболее продвинутого региона России находится примерно на том же уровне, что и показатели приобщенности к наркотикам населения некоторых стран Западной Европы. Так, по данным, полученным в 1995 году при опросе почти двух тысяч взрослых (от 18 до 75

лет) жителей Франции, хотя бы однажды (during lifetime) употребляли какие-нибудь нелегальные наркотики не менее 15,2% из них [9, p. 16]. Из почти десяти тысяч взрослых (от 15 до 70 лет) жителей Испании, опрошенных в том же году, 13,0% сообщили исследователям о наличии минимум однократного опыта употребления какого-либо нелегального наркотика. Примерно такой же показатель - 13,9% - был получен в то же время и при опросе более шести тысяч взрослых (от 18 до 59 лет) жителей западных областей ФРГ. В Великобритании же этот же показатель (полученный на основе десяти тысяч интервью) достиг 21% [ibid].

Внешний диаметр наркотической воронки

Однако само по себе знакомство со вкусом того или иного наркотического средства не может служить основанием для отнесения человека к наркозависимым. Для значительной части (6,5% из 18,5%) петербуржцев, причастных к употреблению наркотиков, это были практически никогда не повторявшиеся эпизоды, и еще 6,0% хотя и употребляли наркотические средства неоднократно, но в достаточно отдаленном (не менее года) времени. Только оставшиеся 6,0% из 18,5% имеющих опыт употребления наркотиков с той или иной регулярностью прибегают к ним и в настоящее время.

Иначе говоря, в Петербурге нынешние активные (актуальные) потребители наркотических веществ составляют лишь около половины всех их неслучайных потребителей и примерно третью часть всех когда-либо пробовавших наркотики в немедицинских целях. Похожее соотношение фиксировалось и среди опрошенных в Самаре, где из 13% "знакомых" с наркотиками для 8,0% это не более, чем случайный эпизод, для 2,6% - относительно развернутая в прошлом практика, и лишь для 2,5% - относительно актуальная реальность.

Приведенные данные существенно противоречат широко распространяемой версии о неизбежности возникновения наркотической зависимости и практической невозможности выхода из нее [10]. Как свидетельствуют приведенные цифры, такая зависимость обнаруживается максимум в одном из трех случаев знакомства с наркотиками и примерно в каждом втором случае относительно регулярного их потребления. Однако и эти цифры, как нам представляется, значительно выше реальных. Напомним, что у нас есть только информация о том, что примерно половина из всех относи-

тельно активно употреблявших когда-либо наркотические вещества оставила это увлечение в прошлом; но нет никакой информации о том, какая часть актуальных потребителей находится в сколько-нибудь жесткой наркотической зависимости и не способна отказаться от своего нынешнего увлечения.

Понятно, что версия о практической невозможности "соскочить с иглы", даже если она не совсем адекватна реальности, используется зачастую с благородной целью предостеречь неискушенных от соблазна [11]. Однако эффект от нее зачастую прямо противоположный. Неискушенный неопит, слышавший или читавший этот пропагандистский "ужастик", приобретя собственный минимальный опыт пользования наркотическими веществами, быстро убеждается в "лживости пропаганды" и перестает доверять любой информации, идущей из соответствующих благонамеренных источников. У него возникает самоуверенная беспечность, и в результате он действительно попадает в наркотическую зависимость. Теперь он уже начинает верить игнорировавшейся раньше "пропаганде" и безвольно принимает ее версию о невозможности "соскочить с иглы". И вновь получается, что эта внешне благонамеренная ложь действует в противоположном направлении.

Аналог детской кори?

До сих пор мы рассматривали лишь общие пропорции, относящиеся ко всему населению, включая глубоких стариков. Если же сузить возрастные и социальные рамки, то эти относительно скромные показатели приобретут более выраженную форму. Так, в Петербурге, при средних для всего населения 18,5% приобщенных, среди молодежи в возрасте до 30 лет численность пробовавших те или иные наркотики примерно в два-три раза выше - от примерно 50% среди тех, кто моложе 24 лет, до 30% - среди 25-30 летних. При том, что на долю находящихся в возрасте между 18 и 30 годами приходится менее трети (28%) всех опрошенных, среди тех, кто хоть раз пробовал наркотики, люди этого возраста составляют примерно две трети, а среди тех, кто и сейчас относительно регулярно обращается к ним, три четверти - 75%. Напомним, что в Самаре среди молодежи в возрасте до 30 лет численность "пробовавших" те или иные наркотики была примерно вдвое выше, чем в целом среди населения - от 23% до 29% (при средних 13%). Как видим, концентрация внимания исследователей наркотизма на молодежи вполне обоснованна.

таблица 1.

Приобщенность к потреблению наркотиков в различных возрастных группах населения Петербурга (весна 2000 года)

Возраст	степень активности			
	никогда	пара эпизодов	раньше активно	сейчас активно
<19 лет	50.0	22.8	7.4	19.8
20-24	51.3	14.7	14.7	19.4
25-29	70.0	9.0	8.6	12.4
30-34	78.2	5.7	9.2	6.9
35-39	82.9	6.2	8.9	1.9
40-49	92.6	3.5	2.5	1.5
50-54	94.6	2.0	2.5	1.0
55-60	97.6	0.6	1.8	-
>60 лет	98.4	0.5	1.1	-
Все население	81.5	6.5	6.0	6.0

Как видно из таблицы 1, хотя численность знакомых с наркотическими средствами в каждой последующей возрастной группе заметно ниже, чем в предыдущей, определенный уровень приобщенности к наркотикам обнаруживается не только у молодежи.

Если средний уровень знакомства с наркотиками (долю когда-либо пробовавших наркотические вещества) всего населения Петербурга принять за единицу, то показатель приобщенности наиболее молодых (18-19 лет) составит 2,67. В возрастной группе от 20 до 24

лет - 2,60; в группе от 25 до 29 лет - 1,60, а в группе от 30 до 34 лет - 1,16. Во всех последующих возрастных группах этот показатель значительно ниже единицы. В группе от 35 до 39 лет - 0,91; от 40 до 49 лет - 0,40, от 50 до 55 лет - 0,28, от 55 до 60 лет - 0,13, а среди наиболее пожилых - 0,09. Как видим, показатель знакомства с наркотиками у самого старшего поколения примерно в десять раз ниже среднего и почти в тридцать раз уступает аналогичному показателю у самых молодых.

таблица 2

Приобщенность к потреблению наркотиков в различных возрастных группах населения Самары (весна 1998 года)

Возраст	степень активности			
	никогда	пара эпизодов	раньше активно	сейчас активно
<19 лет	70.9	13.1	6.9	9.1
20-24	74.9	14.7	5.2	5.2
25-29	77.0	15.0	5.2	2.8
30-34	84.8	10.6	2.9	1.9
35-44	90.2	5.2	2.3	2.3
45-54	89.8	8.7	0.6	0.9
55-64	96.7	1.2	0.9	1.2
>65 лет	97.2	2.4	0.5	-
Все население	87.0	8.0	2.6	2.5

Аналогичная картина наблюдалась и в данных самарского исследования. Как видно из таблицы 2, и здесь численность знакомых с наркотическими средствами в каждой последующей возрастной группе заметно ниже, чем в предыдущей. Если средний уровень знакомства с наркотиками всего населения Самары принять за единицу, то показатель приобщенности наиболее молодых (16-19 лет) составит

2,19. В возрастной группе от 20 до 24 лет - 1,88; в группе от 25 до 29 лет - 1,73, а в группе от 30 до 34 лет - 1,16.

Во всех последующих возрастных группах этот показатель ниже единицы. В группе от 35 до 44 лет - 0,74; от 45 до 54 лет - 0,77, от 55 до 64 лет - 0,25, а среди наиболее пожилых - 0,19. Как видим, и здесь показатель знакомства с наркотиками у самого старшего

поколения значительно (почти впятеро) ниже среднего и более чем на порядок уступает соответствующему показателю у самых молодых.

Следует отметить, что среди самых молодых девиантологи отмечают относительный максимум активности по большинству видов отклоняющегося поведения. А "коэффициент криминальной активности" по многим видам правонарушений в группе 14-17-летних в два-три раза превышает соответствующий показатель соседней группы 18-24-летних и почти на порядок - группы от 30 до 49 лет.

На молодежь в возрасте до 30 лет приходится свыше половины всех правонарушений [12, с. 1]. Различные исследователи объясняют этот феномен и повышенным энергетическим потенциалом, и не завершившейся социализацией, и неопределенным (переходным) социальным статусом, и желанием утвердиться в мире взрослых, и целым рядом других причин [13]. Каждая из них имеет за собой вполне реальные основания, но главной детерминантой этой повышенной возрастной девиантности являются скорее всего обстоятельства незавершенной (завершающейся) социализации.

В ситуации заметно расширяющегося среди молодежи круга случайных потребителей наркотиков, имеющих незначительный, но собственный опыт их использования, прямое запугивание и запретительство, как правило, ведет к романтизации наркотизма и закреплению за ним функции внутригрупповой и "поколенческой" солидарности, то есть, опять-таки, к противоположному благим намерениям результату.

Обратим внимание, что сам по себе показатель широты знакомства представителей какой-либо социальной группы со вкусом наркотика никоим образом не является, как это утверждают некоторые исследователи, свидетельством имеющихся в этой группе "резервов распространения наркотиков". Более того, эта широта, соотнесенная с показателем актуальной вовлеченности в относительно регулярное потребление наркотиков, свидетельствует уже не о зависимости, а о степени освобождения этой группы от возможности наркотизации. Ведь из двух групп с одинаковым уровнем актуальной вовлеченности в потребление наркотиков, больший уровень освобождения от них демонстрирует именно та, в которой выше относительная численность **СЛУЧАЙНЫХ** и **ПРОШЛЫХ** потребителей.

Хотя, как свидетельствуют данные, за пределами 20-летнего возраста интерес к наркотикам заметно ослабевает, наркотики при-

сутствуют в образе жизни почти всех старших возрастных групп. Свыше трети - 35,5% - всех нынешних относительно активных ("актуальных") потребителей наркотических веществ составляют люди, перешагнувшие порог своего тридцатилетия.

Если уровень актуальной активности (доли относительно регулярно потребляющих наркотики в настоящее время) всего населения принять за единицу, то активность самых молодых (19-20 лет) составит 3,3. В возрастной группе от 20 до 24 лет - 3,2; в группе от 25 до 30 лет - 2,0; а в группе от 30 до 34 лет - 1,1. В группе между 35 и 39 годами - 0,3; а в группе старше 50 лет - 0,15. Нетрудно заметить, что с возрастом отход от активного потребления наркотиков происходит значительно быстрее, нежели общее сужение круга знакомых с их вкусом. Так, например, по сравнению с не перешагнувшими порог 20-летия, к 30 годам круг пробовавших наркотики сужается примерно на треть (с 50% до 30%), а численность их актуальных потребителей - почти в два раза: с 19,8% до 12,4%.

Эта же закономерность наблюдалась и в самарских данных. Если уровень актуальной активности всего населения Самары принять за единицу, то активность самых молодых (16-19 лет) составит 3,6. В возрастной группе от 20 до 24 лет - 2,08; в группах от 25 до 44 лет - примерно единицу (от 0,79 до 1,07); а в группах старше 45 лет - 0,48 и меньше. И здесь с возрастом отход от активного потребления наркотиков происходит значительно быстрее, нежели общее сужение круга знакомых с их вкусом. Так, например, по сравнению с не перешагнувшими порог 20-летия, к 30 годам круг пробовавших наркотики сужается примерно на четверть (с 29% до 23%), а численность их актуальных потребителей - более чем в три раза: с 9,1% до 2,8%.

Приведенные данные явно противоречат широко распространенной "медицинской" версии о том, что большинство (или по крайней мере значительная часть) однажды попробовавших вкус наркотиков обречено на непреодолимую наркозависимость и они почти непременно заканчивают свою жизнь в муках наркотического истощения [14]. Уже в группе тех, кому от 20 до 24 лет, актуальные потребители наркотиков составляют лишь половину тех, кто когда-нибудь был относительно активно вовлечен в их потребление; а среди тех, кому от 25 до 29 лет, лишь около трети - 35%.

По данным сотрудников Института социальных исследований Мичиганского Университета (Ann Arbor) Ллойд Джонстона, Джералда Бекмана и Патрика О'Малли (Lloyd

Johnston, Jerald Bachman, and Patrick O'Malley), осуществляющим на протяжении последних 25 лет проект "Мониторинг будущего" (Monitoring the Future Study), в рамках которого начиная с 1975 года ежегодно опрашивается примерно по 15,5 тысяч выпускников государственных и частных школ по всем Соединенным Штатам, опыт как минимум разового употребления наркотических веществ обнаруживают в каждом из таких опросов от 41% до 65% учащихся выпускных (11-12) классов [15, р. 94]. Как видим, и эти, в высшей степени достоверные показатели (различия между двумя соседними по времени общеамериканскими измерениями не превышают 3-4%), хотя и заметно выше наших отечественных, однако, вполне сопоставимы с ними.

Данные "Мониторинга будущего", осуществляемого американскими Исследователями, косвенно свидетельствуют и о невозможности стремительных изменений наркотизации. Фиксируемый ими уровень приобщенности выпускников школ к "нелегальным наркотикам" первоначально обнаруживал постепенный (на 2-3%) рост численности имеющих опыт, как минимум, разового употребления какого-либо наркотика (помимо алкоголя и табака) от 55% в 1975 году до 65,5% в 1981 году. После этого, как свидетельствуют результаты ежегодных замеров, начался почти десятилетний период устойчивого понижения уровня наркотизации американских школьников, достигшего к 1992 году минимальной за все время наблюдений отметки - 40,7%.

В том году был зафиксирован не только минимальный уровень общей численности хотя бы однажды употреблявших любой из нелегальных наркотиков, но и минимальное количество тех, кто употреблял их в последние 30 дней перед опросом. Среди выпускников американских школ количество таких "актуальных потребителей" в 1992 году составило лишь 14,4% [15, р. 94, 97], то есть почти втрое меньше общей численности хотя бы однажды употреблявших какие-либо наркотические средства. Обратим внимание на то, что это достаточно близко к нашим отечественным пропорциям соотношения случайного и активного потребления.

Несомненный успех американского общества в борьбе с молодежным наркотизмом в дальнейшем, однако, закрепить не удалось - начался новый медленный, но неуклонный рост общей приобщенности к наркотикам выпускников американских школ. Ежегодный

прирост, не превышающий 2-3%, привел к тому, что весной 1997 года численность имеющих опыт как минимум разового употребления наркотиков достигла 54,3%, т.е. поднялась за шесть лет почти на 14% [15, р. 94]. Заметно возросло и число актуальных потребителей, достигшее в 1997 году 26,2%, что почти вдвое выше аналогичного показателя 1992 года [15, р. 97].

Нельзя не заметить, что наркотики являются относительно новым элементом в жизненном опыте нашего населения. Среди тех, чье отрочество и юность завершились до начала 80-х годов (лица старше 35 лет), знакомых с ними много меньше (в два-три раза), нежели среди завершавших базовую социализацию в годы перестройки и после нее. Еще в меньшей мере знакомы с наркотиками поколения, социализировавшиеся в 50-е годы и раньше. Здесь хотя бы однажды пробовавших наркотики не более одной тридцатой, то есть примерно в десять раз меньше, чем в перестроечном и послеперестроечном поколениях.

Берегите мужчин

Еще одно уточнение зоны распространения наркотиков - гендер. В целом когда-либо пробовавших те или иные наркотические вещества среди мужчин чуть ли не вчетверо больше, нежели среди женщин - 22,5% против 6%. Аналогичное соотношение степени знакомства с наркотиками мужчин и женщин отмечают и другие отечественные исследователи [4, с. 122; 16, с. 77-78]. Примерно такое же соотношение и среди когда-либо АКТИВНО потреблявших наркотики: 8,5% мужчин против 2,5% женщин. Если же это соотношение приложить к наиболее «приобщенным» возрастным группам, то получается, что среди тех, кому сегодня от 16 до 19 лет, относительно постоянно (не эпизодически) потребляли (в прошлом или сейчас) наркотики около четверти (23-25%) мужчин и примерно 7-8% женщин. Как видим, несмотря на отмечаемые некоторыми авторами тенденции ускоренной феминизации наркотизма [17, с. 82], явление это по-прежнему затрагивает главным образом мужскую часть населения. Что вполне согласуется с общей закономерностью, которую отмечают многие исследователи отклоняющегося поведения, а также статистика правонарушений, в соответствии с которой на мужчин приходится подавляющее количество проявлений девиантного поведения.

таблица 3

Гендерные различия приобщенности к наркотикам среди населения Петербурга (N=2428) и Самары (N=2027)

Город	Пол	Степень активности				
		никогда	пара эпизодов	раньше активно	сейчас активно	к-во опрошен.
ПЕРЕТ-БУРГ	Женщины	89.3	4.9	3.0	2.9	1285
	Мужчины	71.4	8.3	9.9	10.4	1043
	Все население	81.5	6.5	6.0	6.0	2428
САМАРА	Женщины	93.9	3.4	1.1	1.5	1134
	Мужчины	77.5	14.0	4.6	3.9	893
	Все население	87.0	8.0	2.6	2.5	2027

Ученье - свет...

Как свидетельствуют полученные данные, образование дифференцирует степень наркотизма заметно сильнее, нежели профессиональная принадлежность. Первое, что обращает на себя внимание, это снижение наркотизма, сопровождающее рост образовательного уровня, что отмечается и многими другими исследователями. Прежде чем подробно рассмотреть основные свидетельства этой общей тенденции, следует отметить, что из нее явно выбивается крайне низкая степень знакомства с наркотиками в группе с образованием ниже 7 классов. Впрочем, аномалия эта легко объясняется все тем же возрастным, а точнее, поколенческим фактором. Практически все представители этой образовательной группы не только находятся в возрасте, далеком от обычного для актуальной приобщенности к потреблению наркотиков, но и принадлежат к поколению, так и не сумевшему познакомиться с ними.

За пределами группы пожилых людей (не имевших в свое время возможности закончить 7 классов) особенно заметно сопутствующее росту образовательного уровня снижение показателей неслучайного (более, чем эпизодического) потребления наркотиков. Актуальных потребителей наркотиков в группе с неполным средним образованием примерно втрое больше, чем среди обладателей вузовских дипломов. При этом доля лиц с неполным средним образованием среди актуальных потребителей наркотиков в три с лишним раза выше, чем в целом среди населения.

Напомним, что, как свидетельствует опыт стран, отличающихся наиболее высокими и продолжающими расти показателями здоровья населения, именно внедрение в си-

стему ценностно-нормативных приоритетов представлений о престижности здорового образа жизни, а не запреты на различные формы самодеструктивного (саморазрушающего) поведения, позволили в последние годы добиться заметного снижения численности злоупотребляющих алкогольными напитками, курящих и употребляющих наиболее опасные для здоровья наркотики.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, подчеркнем еще раз, что от трети до половины общего числа знакомых с наркотическими средствами составляют те, чье знакомство с ними ограничено одним-двумя случайными эпизодами. Иначе говоря, те, в чьей жизни наркотики действительно занимали или занимают сколько-нибудь заметное место, составляют лишь половину от общей численности тех, кто хотя бы однажды имел опыт их применения.

В свою очередь, нынешние активные (актуальные) потребители наркотических веществ составляют лишь не более половины всех их неслучайных потребителей и около четверти всех когда-либо употреблявших наркотики в немедицинских целях. Именно эта четверть всей совокупности имевших опыт пользования наркотическими веществами характеризует степень действительного поражения, которое наносят наркотики обществу в настоящее время.

Но даже ее относительная скромность в пересчете на абсолютные цифры означает только в одном Петербурге не менее полусотни тысяч судеб, оказавшихся в реальной опасности.

Особо отметим, что, вопреки широко распространяемой версии о крайней сложности (почти невозможности) отказа от нар-

котиков (выхода из наркотической зависимости) после их относительно регулярного (многократного) употребления, примерно половину общей численности всех неслучайных потребителей наркотиков составляют бывшие относительно активные потребители, чье увлечение ушло в прошлое. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть не для того, чтобы обосновать представление о безобидности приобщения к наркотикам (чего опасаются сторонники "ослепляющей" антинаркотической пропаганды), а для того, чтобы поиск защиты от угроз наркотизма опирался на реальные факты, а не на картины, рожденные воображением, охваченным паническим ужасом.

Нынешняя молодежь составляет две трети всех актуальных потребителей наркотиков. Общее же количество лиц хотя бы однажды пробовавших наркотики приближается сейчас к трети от численности городской молодежи. Этот достаточно тревожный показатель, тем не менее, примерно вдвое ниже того, который на протяжении двадцати с лишним лет ежегодно регистрируется общенациональным Monitoring the Future Study у выпускников средних школ Соединенных Штатов. Понятно, что подобное соотношение национальных показателей не означает, что Россия должна непременно и здесь "догнать и перегнать Америку", однако, как мы полагаем, это свидетельствует о том, что о нашей "национальной катастрофе" в этой области говорить можно лишь чисто метафорически.

Критическим, представляющим наибольший риск для наркотических соблазнов, является момент перехода от подросткового возраста к юношескому. Именно в это время знакомится с наркотиками едва ли не половина всех когда-либо приобщившихся к ним, а до 20 лет успевает познакомиться с наркотиками почти девять десятых всех хотя бы однажды пробовавших их. В целом, если до 20 лет человек устоял перед соблазном знакомства с миром наркотиков, то вероятность его хотя бы случайного, эпизодического знакомства с этим миром снижается практически на порядок. Еще меньше в этом случае риск вовлечения человека в периодическое или регулярное потребление.

Это обстоятельство требует концентрации основных антинаркотических мероприятий в относительно узком возрастном интервале. Только предотвратив вовлечение в соблазны наркотизма наименее устойчивой части юношества, можно обеспечить не только блокировку дальнейшего роста, но и

перспективу понижения общего уровня наркотизма. Однако применение приемов борьбы со взрослыми правонарушителями в юношеской среде нередко оказывается не просто малоэффективными, но зачастую ведет к прямо противоположному результату. Это, в частности, определяет необходимость отказаться от упования на антинаркотические действия силовых ведомств и перенести основной центр тяжести антинаркотической работы на структуры, обеспечивающие социализацию подрастающего поколения (ответственные за формирование его ценностей и норм), и, в первую очередь, на органы образования.

Известно, что юношеский нонконформизм является в этом переходном возрасте одним из наиболее действенных механизмов личностного самоутверждения. Поэтому прямое запрещение и преследование может невольно стимулировать интерес к наркотикам, демонстрирующий личностную независимость от взрослых. В то же время, внешне нейтральное ("ненавязчивое") внедрение в эту среду конкурентных (совсем не обязательно непосредственно антинаркотических) ценностей, осуществляемое в числе прочего и через молодежных лидеров, способно на этом этапе социализации защитить человека от наркотических соблазнов гораздо эффективней, чем все запреты и преследования.

Важнейшим механизмом выработки у молодого человека антинаркотической установки является не столько специальное внушение ему негативных представлений о наркотиках, сколько формирование у него позитивной установки на реализацию долгосрочной жизненной программы, важнейшим элементом которой является наличие определенной профессиональной ориентации. При этом степень приобщенности молодежи к наркотикам определяется не столько их предложением (доступностью или недоступностью), сколько сравнительно ограниченным спросом, обусловленным соответствующими установками. Иначе говоря, нынешний уровень наркотизма определяется главным образом собственными характеристиками ценностного сознания молодежи, а отнюдь не статистикой тактических успехов правоохранительных органов, принявших на себя функции центра всей антинаркотической деятельности.

Одним из основных способов вхождение подростка в наркотизм является девиантная социализация. На первых этапах подросток как правило вовлекается не столь-

ко в собственно физиологию наркотического удовольствия ("кайфа") сколько делает своеобразную социальную карьеру в референтной для него группе. Постепенно происходит отчуждение от представлений о смысле и ценности наркотиков, официально доминирующих в школе; эти представления становятся внешними, "чужими". Собственное представление о наркотиках формируется на базе соответствующих представлений, доминирующих в девиантной субкультуре. Такое вхождение в наркотизм социальные психологи называют "ролевым поглощением".

Поскольку в России знакомство с наркотиками является прерогативой перестроечного и постперестроечного поколений и почти не затронуло образ жизни людей, социализировавшихся в доперестроечное время, численность тех, кто имеет в собственном опыте хотя бы однократное применение наркотических средств в немедицинских целях, в ближайшие 5-10 лет должна вырасти примерно вдвое, т.е. приблизиться к показательной степени знакомства с наркотиками нового поколения россиян. Это, однако, не тождественно общему росту наркотизма населения, означающего увеличение численности относительно регулярно потребляющих наркотики, а не численности ограничивающих свою связь с наркотиками несколькими случайными "дегустационными" эпизодами. Более того, не исключена такая ситуация, когда общее расширение круга знакомых с наркотиками будет сопровождаться сужением круга их постоянных (актуальных) потребителей.

Такое развитие ситуации невозможно на путях прямого запретительства, невольно романтизирующего применение наркотиков в немедицинских целях и служащего закреплению за наркотизмом функции внутригрупповой и "поколенческой" солидарности. Учет реальных обстоятельств требует не запрета различных форм самодеструктивного (саморазрушающего) поведения, а осознанных действий по внедрению в ценностно-нормативную систему представлений о престижности здорового образа жизни. Только такой подход, как свидетельствует опыт стран, достигших реальных результатов в борьбе с наркотизмом, позволяет добиться заметного снижения численности злоупотребляющих алкогольными напитками, курящих и употребляющих наиболее опасные для здоровья наркотики.

Литература

1. *Кесельман Л.Е.* Социальные координаты наркотизма. СПб филиал Института социологии РАН. - СПб., 1998. - 120 с; Электронная версия: <http://narcom.ru>
2. *Гилинский Я.И.* Наркотизм: мифы и реальность // Молодежь. Цифры, факты, мнения, 1996, N1, с. 80-84; Гольберт В. Обыденное и научное мифотворчество по поводу насилия // Насилие в современном мире. - СПб: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 15-20.
3. *Тимофеев Л.М.* Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.:Российск. гос.гуманит. ун-т. 1998. - 112 с.
4. *Силласте Г.Г.* Новая наркоситуация в России //Социологические исследования, 1994, N 6.
5. Социальные последствия возможной легализации наркотиков в России. Специальный выпуск по материалам социологического исследования // "Безопасность". Информационный сборник Фонда национальной и международной безопасности. - М., 1993, N2 (8).
6. *Забрянский Г.И., Емельянова Л.В.* Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году / Аналитический обзор. М.: ПООО "Судбно-правовая реформа" № PRI. 2000, с 56-59.
7. *Афанасьев В.С., Гилинский Я.И.* Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. - СПб.: СПбФ ИС РАН, 1995.
8. *Гилинский Я.И.* Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи перестройки // Мир России, 1995, N2, с.118-131.
9. Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. Lisboa, 1997.
10. *Гурски С.* Внимание - наркомания! - М.: Медицина, 1988; *Гусев С.И.* Актуальные проблемы борьбы с наркоманией // Советское государство и право, 1988, N5; *Белогуров С.Б.* Наркотики и наркомания. - Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997.
11. *Белогуров С.Б.* Популярно о наркотиках и наркоманиях. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: "Невский Диалект", 2000, - 240 с.
12. *Салагаев А.Л.* Молодежные правонарушения и деликвентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. - Казань: Экоцентр, 1997.- 156 с.
13. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв): тенденции и социологическое осмысление / научное издание. - СПб.: Алетей, 2000. - 384 с.
14. *Габияни А.* Наркомания: горькие плоды сладкой жизни //Социологические исследования, 1987, N 1, с. 48-53; *Габияни А.* Наркотизм: Вчера и сегодня. - Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988; *Габияни А.* На краю пропасти: наркомания и наркоманы.- М.: Мысль, 1990; 19. Здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) /отв. ред. Б.М. Левин. - М.: ИС РАН, 1993; *Силласте Г.Г.* Новая наркоситуация в России // Социологические исследования, 1994, N6; *Шакиров М. Ш.* Наркобизнес в России. М.: Центрполиграф, 1998; *Попов В.А., Кондратьева О.Ю.* Наркотизация в России - шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования, 1998, N 8, с. 65-68.
15. Johnston, L.D., O'Malley, P.M., & Bachman, J.G. National survey results on drug use from the Monitoring the Future study, 1975-1997. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998.
16. *Левин Б.М., Левин М.Б.* Наркомания и наркоманы. - М.: Просвещение, 1991.
17. *Позднякова М.Е.* Социологический анализ наркомании. - М.: ИС РАН, 1992.

